

«Белая свитка и алый кушак...» (<1915>) Сергея Есенина: о поэтике вещи в народном costume

Елена Александровна Самоделова¹

¹ Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН (д. 25а, ул. Поварская, 121069 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-3856-0578. E-mail: helsa[at]rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Самоделова Е. А., 2024

Аннотация. Представление о вещи как объекте науки Сергей Есенин мог вынести из лекций профессоров Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского во время обучения на историко-филологическом отделении в 1913–1915 гг. В то время термин «вещь» использовался в юриспруденции и философии, что нашло отражение в толковых словарях и энциклопедиях. С. А. Есенин посещал лекции преимущественно по литературе, и в дальнейшем в его творчестве регулярно встречается слово «вещь», но только в публицистике, в письмах и однажды в стихотворении. Термин «вещь» широко применялся в критике первой четверти XX в., и друзья С. А. Есенина вспоминали об употреблении поэтом этого слова в беседах. Задача данной статьи — в стихотворении «Белая свитка и алый кушак...» С. А. Есенина проанализировать с художественно-философской позиции предметы «кода одежды», понимая их как «вещи». *Вывод.* Свитка и кушак являются народной праздничной одеждой, с ее региональными названиями, имеют давнюю традицию отражения их в художественной литературе, а у С. А. Есенина подчеркивают событийное время и душевные переживания героя.

Ключевые слова: «Белая свитка и алый кушак...», вещь как философская категория, вещь у С. А. Есенина, Московский городской университет имени А.Л. Шанявского, свитка, кушак

Для цитирования: Самоделова Е. А. «Белая свитка и алый кушак...» (<1915>) Сергея Есенина: о поэтике вещи в народном costume

“The White Zipun and the Scarlet Sash...” (<1915>) by Sergey Yesenin: about the poetics of things in folk costume

*Elena A. Samodelova*¹

¹A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS (25a, Povarskaya St.,
121069 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-3856-0578. E-mail: helsa@rambler.ru

©KalmSC RAS, 2024

© Samodelova E. A., 2024

Abstract. Sergey Yesenin could get the idea of a thing as an object of science from the lectures of professors of the Moscow City People’s University named after A.L. Shanyavsky while studying at the historical and philosophical department in 1913-1915. At that time, the term “thing” was used in law and philosophy, which was reflected in explanatory dictionaries and encyclopedias. Yesenin attended lectures mainly on literature, and in his subsequent work the word “thing” appears regularly, but only in journalism and letters. The term “thing” was widely used in criticism in the first quarter of the 20th century, and Yesenin’s friends recalled the poet’s use of this word in conversations. The *purpose* of this article is to analyze the items of the “clothing code” from an artistic and philosophical position in Yesenin’s poem “The White Zipun and the Scarlet Sash...”, understanding them as “things”. *Conclusion.* The zipun and the sash are folk festive clothing, with its regional names, they have a long tradition of reflecting them in fiction, and in Yesenin they emphasize the event time and the emotional experiences of the hero.

Keywords: “White scroll and scarlet sash...”, thing as a philosophical category, thing by Yesenin, Moscow City University named after A.L. Shanyavsky, zipun (outerwear), sash

For citation: Samodelova E. A. “The White Zipun and the Scarlet Sash...” (<1915>) by Sergey Yesenin: about the Poetics of Things in Folk

1. Введение. О термине «вещь» при жизни С. А. Есенина и в его творчестве

Проблема «вещи» как художественно-философского понятия волновала Сергея Есенина, о чем свидетельствует употребление этого слова в терминологическом плане в его теоретических работах. В «Отчем слове (По поводу романа Андрея Белого „Котик Летаев“» (<1918>) он писал: «Но к крыльцу этого крова мы с земли, живя и волнуясь зрением и памятью в вещах, приближаемся только через Андрее-Беловское „выкусыванье за спиной“» [Есенин 5, 1997: 181]. Наоборот, в работе с условным названием «<О сборниках произведений пролетарских писателей>» (<1918>) С. А. Есенин отрицательно отозвался о такой художественной прозе, «где все лежит не на своем месте, где люди и вещи светят почти одним светом» [Есенин 5, 1997: 239]. Его рассуждения в «Ключах Марии» (1918): «<...> наша древняя Русь, где почти каждая вещь через каждый свой звук говорит нам знаками <...>» [Есенин 5, 1997: 186]; и далее об «избе простолюдина», чьи предки «неосезаемый и далекий мир подчинили себе уподоблениями вещам их кротких очагов» [Есенин 5, 1997: 194]; и вывод: «Создать мир воздуха из предметов земных вещей или рассыпать его на вещи – тайна для нас не новая» [Есенин 5, 1997: 207]. В «Быте и искусстве (Отрывке из книги „Словесные орнаменты“» (<1920>) С. А. Есенин подчеркивал, что «северный простолюдин» «знает закон, подсказанный ему причинностью вещей и явлений» и что в «календарных изречениях» великороссов «всюду строгая согласованность его с вещами и с местом, временем и действием стихий» [Есенин 5, 1997: 219].

Проблема «вещи» как художественно-философского понятия была актуальной в начале XX в. В 1921 г. в журнале «Книга и революция» (Пг., № 8/9, февраль) в продолжении статьи Иванова-Разумника «„Футуризм“ и „Вещь“» упомянута «Инония» С. А. Есенина в противопоставление «машинной „Вещи“» [Летопись 3(1), 2005: 119]. В 1922 г. в Берлине в издательстве «Скифы» вышли три номера (в том числе сдвоенный) журнала «Вещь» по современно-

му искусству под редакцией И. Г. Эренбурга и Эль Лисицкого. Сергей Есенин с Айседорой Дункан в том году посетили Германию, в журнале за № 1/2 в марте-апреле был анонсирован поэт и помещен фрагмент его «Пугачева» в переводе Марии Милославки и Франса Элленса [Вещь 1922. № 1/2: 7–8], в № 3 в июне состоялась публикация «Волчьей гибели» («Мир таинственный, мир мой древний...») [Вещь 1922. № 3: 9; Летопись 3(1), 2005: 300; Летопись 3(2), 2008: 65, 79]. Редакторы отталкивались от бытового именованья любого произведения искусства, вне зависимости от жанра, «вещью», объясняли цель журнала и смысл названия: «„Вещь“ за искусство конструктивное, не украшающее жизни, но ОРГАНИЗУЮЩЕЕ ее. Мы назвали наше обозрение „Вещь“, ибо для нас искусство — СОЗДАНИЕ новых ВЕЩЕЙ. Этим определяется наше тяготение к реализму, к весу, объему, к земле. Но отнюдь не следует полагать, что под вещами мы подразумеваем предметы обихода. <...> Всякое организованное произведение — ДОМ, ПОЭМА ИЛИ КАРТИНА — ЦЕЛЕСООБРАЗНАЯ ВЕЩЬ, не уводящая людей из жизни, но помогающая ее организовать. <...> „Вещь“ считает стихотворение, пластическую форму, зрелище необходимыми вещами. <...> БРОСЬТЕ ДЕКЛАРИРОВАТЬ ИЛИ ОПРОВЕРГАТЬ — ДЕЛАЙТЕ ВЕЩИ!» [Вещь 1922. № 1/2: 2–4].

Поскольку С. А. Есенин дал согласие на публикации в журнале «Вещь», следовательно, он разделял философию вещи как объекта искусства, хотя само слово «вещь» в этом значении, оставаясь научной дефиницией, все-таки относится к разговорной речи, а не «высокому стилю». «Вещь» в этом смысле — нечто вроде жаргонизма писателей, художников и других творцов искусства. Более того, в «Предисловии» (1 января 1924 г.) С. А. Есенин употребил это слово, также подразумевая под ним сочинение, творение, опус: «Большие вещи: „Страна негодяев“, „Пугачев“ и др. отходят во 2-й том» [Есенин 5, 1997: 222]. И в работе «<О писателях-„попутчиках“>» (<1924>) он использовал ту же дефиницию: «Михаил Зощенко в рассказах Синявского и других своих маленьких вещах волнует нас своим необычайным и метким юмором» [Есенин 5, 1997: 244]. В элегическом стихотворении «Батум» (<1924>) С. А. Есенин от лица лирического героя надеялся: «Обо мне вспомнят / В Нью-Йорке <так!>,, / Прочитав сей вещи пере-

вод» [Есенин 4, 1996: 210]. О своей «маленькой поэме» «Цветы» С. А. Есенин сообщал в письме из Батума П. И. Чагину 20 декабря 1924 г.: «Это философская вещь. Ее нужно читать так: выпить немного, подумать о звездах, о том, что ты такое в пространстве и т. д., тогда она будет понятна» [Есенин 6, 1997: 195].

В. А. Мануйлов передал сведения о датировке С. А. Есениным «Марфы Посадницы», высказанные в августе 1921 г. — и с употреблением анализируемой дефиниции, причем в паре синонимов «вещь — сочинение»: «Я эту вещь чуть ли не с шестнадцати лет задумал, а написал в первые месяцы после начала войны. <...> Хоть и раннее сочинение, а мне дорого» [Мануйлов 1986: 166].

Похожую пару синонимов («вещь — произведение») нашел С. П. Постников для характеристики номеров журнала «Красная новь»: «Когда рассматриваешь книжки журнала, всегда хочется найти такую вещь, которая была бы безусловно хороша <...>, и он <читатель> воспримет ее как настоящую вещь, как подлинное художественное произведение» [Постников 1925: 164].

В том же плане ранее высказался в книге «Кому я жму руку» (1921) В. Г. Шершеневич, обращаясь к С. А. Есенину: «<...> найти правильный образ значит создать вещь» [Шершеневич 1924: 42]. В. А. Мануйлов привел слова С. А. Есенина, направленные в адрес В. В. Маяковского в сентябре 1921 г.: «У него никакого порядка нет, вещи на вещи лезут» [Мануйлов 1986: 174].

Таких примеров можно привести множество. Важно отметить, что С. А. Есенин использовал слово «вещь» исключительно как научную дефиницию в двух смыслах: 1) как объект; 2) как произведение искусства.

Примененный нами автоматический компьютерный поиск к цифровым оригинал-макетам Полного собрания сочинений С. А. Есенина не выявил ни одного случая употребления поэтом слова «вещь» в стилистике его художественной прозы, нашел один раз в лирике и множество — в критике и эпистолярии.

2. Методология исследования: о возможном знакомстве С. А. Есенина с юридическим термином «вещь»

В российской юриспруденции не было так называемого «вещного права», основанного на соответствующем понятии (в отличие

от римского права и унаследовавшего его германского, французского и др.); до Октябрьской революции 1917 г. его заменяли «вотчинное право» и «имущественное право», хотя иногда правоведы применяли термин «вещь» [Брун 1892: 161–162; Вещь 1892: 162; Гамбаров 1911а: 2–12].

С. А. Есенин говорил друзьям, что в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского на историко-философском отделении в 1913–1915 гг. он посещал лекции преимущественно по литературе, но полностью исключать его хотя бы поверхностное знакомство с юриспруденцией нельзя, тем более, что он в дальнейшем оказывался объектом права как автор книги и издатель, совладелец книжной лавки и кафе, путешественник за границу и др. До поступления поэта в университет там преподавал правовед С. А. Муромцев (1850–1910). Из его брошюры «Из лекций по русскому гражданскому праву (1898–1899)» С. А. Есенин мог узнать о «праве вещном», т. е. о праве собственности на вещь в предустановленных формах и в отдельных случаях — в индивидуализированных по личному усмотрению (например, при закладе вещи) [Муромцев 1899: 13]. Во время учебы С. А. Есенина в университете читали лекции по юриспруденции А. И. Винавер, А. Ф. Волков, А. Э. Вормс, Б. П. Вышеславцев, А. В. Кубицкий, Ф. Ф. Кокошкин, Н. В. Давыдов, Н. В. Самсонов, Б. И. Сыромятников, А. Н. Трайнин и др. Количество правоведов в учебном заведении превышало число преподавателей остальных научных дисциплин, существовало общественно-юридическое отделение. В 1913–1914 учебном году общую теорию права в историко-философском цикле на первом и третьем годах обучения преподавал В. М. Хвостов, на втором курсе он же давал историю этических учений [Летопись 1, 2003: 590].

3. Материалы исследования: о философском понятии «вещь» в жизни С. А. Есенина

Более известно философское понятие «вещь», которое С. А. Есенин мог бы усвоить на университетских лекциях, если бы доучился до конца и услышал бы на третьем курсе по «истории новой философии (до Канта)» от Д. В. Викторова и по «истории новой философии (от Канта)» от А. В. Кубицкого [Летопись

1, 2003: 591]. Поэт имел возможность посещать только курс логики на первом-втором курсах у Н. Д. Виноградова и семинары у М. П. Поливанова [Летопись 1, 2003: 590–591; Московский городской народный университет 1913: 12–13]. В университете философию во время учебы С. А. Есенина, помимо указанных ученых, преподавали Б. П. Вышеславцев, Н. В. Самсонов, В. М. Хвостов, Г. Г. Шпет и др.

Поэт мог вычитать в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона о вещи в философии: «В общем и широком смысле под этим словом разумеется все, что имеет действительное и самостоятельное (физически или метафизически) существование», в том числе «вещью мыслящей» Рене Декарт обозначал духовное существо, а Иммануил Кант рассуждал о «вещи в себе» [Соловьев 1894: 162–163].

Краткий анализ философских представлений о «вещи в себе, как идее» С. А. Есенин мог прочитать в книге своего профессора Б. П. Вышеславцева «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии» [Вышеславцев 1914: 227].

В узком смысле известны еще два понятия «вещи»: так, «к вещам причисляются предметы хотя бы и одушевленные, но не имеющие нравственной свободы по существу (каковы животные), или же только лишённые юридической самостоятельности (каковы рабы или невольники)», считающиеся собственностью какого-либо лица. Наконец, в наиболее очевидном смысле «вещами называются только предметы бездушные и страдательные, в противоположность одушевленному и деятельному», приравниваются к предметам, физическим телам» [Вышеславцев 1914: 163]. В том же ключе давалось юридическое представление о вещи в «Энциклопедическом словаре Братъев А. и И. Гранат» [Гамбаров 1911б: 18–24]. В «тесном» смысле вещь — это некий объект, который «ограничивается пространством» или «непосредственно воспринимается нашими органами чувств», в отличие от «продукта умозрения», причем важны еще два качества в юриспруденции — «ее телесное бытие» и «принадлежность к составу имущества» [Гамбаров 1911б: 18–19]. Ю. С. Гамбаров уточнял, что «в природе существует много в<ещей>, в смысле предметов чувственного

восприятия, которые не могут быть «вещью» в юридическом смысле» [Гамбаров 1911б: 19].

«Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии» (1911) определял «вещь» как «конкретный предмет; некоторую совокупность качеств и их носителя», т. е. «объект»; причем для реализма — это «сущности», для идеализма — «лишь представления»; далее давались точки зрения основных философов [Философский словарь 1911: 35–36].

Философские искания были свойственны всем писателям Серебряного века, так что понятие «вещи» в философии также могло привлечь С. А. Есенина. Очевидно, что его больше привлекало обыденное понятие вещи, как, например, данное в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, который он читал: «<...> нечто, предмет, отдельная единица, всякая неодушевленная особь; в обширном смысле, все, что доступно чувствам» [Даль 1, 1880: 192]. Интересно, что В. И. Даль, как и юристы, определяет «вещь» по отношению к чувствам, и показательна малочисленность паремийных примеров-иллюстраций — всего три, даже с учетом однокоренных синонимов: «Всякой вещи время. Ни сдельца, ни уздицы, ни той вещицы, на что надеть уздицу. И дом вещь, и игла» [Даль 1, 1880: 192]. В «Пословицах русского народа» В. И. Даля (1862) слово «вещь» вообще не встречается (автоматический поиск по цифровой копии его не выявил) [Даль 1862].

Почти полтора столетия назад до творчества С. А. Есенина «Словарь Академии Российской» (1789) давал целый спектр смыслов «вещи», с пунктами от «а» до «д», и с главным: «Все то, что существует»; также с заместительным значением: «Когда каких произведений собственного имени не знаем, сим словом означаем»; включал и поговорку: «Все вещи Богом созданы» [Словарь Академии Российской 1789: 673–674].

4. История вопроса: о свитке как народной одежде

Рассмотрим два предмета народной одежды в стихотворении «Белая свитка и алый кушак...» (<1915>) с позиции их «вещной» сути. Свитка у С. А. Есенина (в том числе безотносительно к нему) получила разную научную трактовку. Во-первых, свитка (свита) как «покрой верхней одежды, требующей клиньев, кото-

рые вшивают сзади по бокам ниже талии» у украинцев и белорусов, а у русских известно под названием «зипун», «сермяга» (по Д. К. Зеленину, 1927) [Зеленин 1991: 245, 247–249]; «свитка» зафиксирована этнографом Н. И. Лебедевой на Рязанщине [Самоделова 2015: 70]. По свидетельству историка-архивиста Д. Ю. Филиппова, часть жителей с. Константиново была переселена помещиком А. Д. Олсуфьевым в Смоленскую губернию, граничившую с Белоруссией, и они могли при возвращении оттуда привезти покрой одежды и диалектные слова [Самоделова 2006: 495; Самоделова 2015: 24]. Во-вторых, свитка как «праздничный халат, который шили из домотканого сукна, чаще серого цвета, рукава, ворот и карманы которого обшивали кожей, шнуром или черным плисом», бытовала в Касимовском, Михайловском, Спасском, Шиловском, Шацком и Скопинском районах Рязанской области, а в памятниках XIII–XVII вв. отмечена как одежда из сукна и холстины для лиц духовного сословия [Осипова 2008: 77; Словарь русских народных говоров 1987: 167].

Этнограф Л. Н. Чижикова добавляет к указанным районам бытования свитки (свиты) еще Сапожковский, Рязжский, Пронский и Рязанский уезды [Чижикова 2009: 466]; в последнем из названных уездов проживал и учился в школе-интернате С. А. Есенин, следовательно, он действительно видел этот тип верхней одежды.

Н. Ловцов во 2-й половине XIX в. создал этнографический рисунок старика и мужчины средних лет в свите в селе Рыкова Слобода Рязанского уезда, а это селение (Рыково-Заборье, ныне Заборье) находится неподалеку от Солотчи, где бывал С. А. Есенин [Чижикова 2009: 465, илл.].

5. Основная часть: возможные источники знания С. А. Есениным о свитке и кушаке

Не следует сразу отметить трактовку свитки как одеяния духовных лиц: вдруг лирический герой анализируемого стихотворения вскоре будет тот самый «ласковый послушник» из стихотворения «Опять раскинулся узорно...» (1916), и именно по этой причине «разгульная жена» и предпочла ему другого, более веселого? И в чем ходил инок из стихотворения «Пойду в скуфье смиренным иноком...» (<1914–1922>), раз его ранг начального монастырского служения позволял ему одеваться в мирскую одежду?

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» дает два определения «свиты» как одеяния (помимо полотна), действительные на протяжении всей письменной древнерусской истории: 1) как «род верхней или нижней одежды (преимущественно священнослужителей и монахов)»; 2) «одежда вообще»; также указывает «свитину» в XV в., «свитку» и «свитицу» как уменьшительно-ласкательную форму (ср. малорус. «свытына» у Т. Г. Шевченко) [[Словарь русского языка 1996: 167–168](#)]. Вопрос о свитке как одежде духовенства лишь намечен лингвистами.

Пока понятно, что свитка была важным предметом одежды, поскольку в словаре древнерусского языка зафиксирован большой круг производных: «свиточка» (уменьшительно-ласкательное); «свиточник» («тот, кто изготавливает свиты, свитки»); «свиточница» («строение (помещение), связанное с хранением, стиркой монашеской одежды, свит»); «свиточный» («относящийся к свитам, свиткам»); «свиточная» («помещение (в монастыре), где хранят, стирают свитки») [[Словарь русского языка 1996: 170](#)].

С. А. Есенин мог вычитать про свитку как монашескую одежду в сочинении «Рассказы из старообрядства, по раскольничьим рукописям» (1861) С. В. Максимова — о настоятеле старообрядческого монастыря Капитоне: «Вместо свитки носил запон по поясу, плечи покрывал мантиею до пояса же <...>» [[Максимов 1861: 7](#)]. Напомним, что «раскол» как школьный предмет изучался в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе и был даже вписан от руки в свидетельство С. А. Есенина об ее окончании как дополнительный предмет [[Летопись 1, 2003: 545](#)].

Согласно В. И. Далю, «свѣта, свитка ж. (вероятно, от свивать, в знач. кутать, одевать) верхняя, широкая, долгая одежда вообще»; в Малороссии это «широкая, долгая запашная одежда, без перехвата, обычно с подлѳою, кобеняком, ко́бкою, куколем» [[Даль 4, 1882: 151](#)]. В. И. Даль привел поговорку: «Свитка сера, да воля своя» [[Даль 4, 1882: 151](#); [Даль 1862: 936](#)].

Этимология «свиты», по большей вероятности, восходит к глаголу «вить» (хотя имеются иные версии); в церковнославянском языке было «свѣито», т. е. полотно, в латышском языке — *svietas* означает «шерстяные обмотки на ногах у женщин»; в русских диалектах часть ткацкого станка называется «навои» [[Фасмер 1987: 581](#)].

В белую свитку одет парубок в «Сорочинской ярмарке» (1831) Н. В. Гоголя, там же появляется дьявольский персонаж Красная свитка [Самодолова 2006: 495]. В «Бежином луге» (1851) И. С. Тургенева, уроженца Орловской губернии, мальчик Илюша носит эту же одежду, но другого цвета: «На нем были новые лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку» [Тургенев 1876: 89–90]. В «Яре» (<1915>) С. А. Есенина также указана свитка, но без уточнения цвета: «Филипп постелил у костра кожух, накрылся свиткой и задремал» [Есенин 5, 1997: 74].

В «Кобзаря» Т. Шевченко в русских переводах свитка (свытыня) часто выступает женской одеждой. В разделе III «Поэмы» в «Сотнике» в переводе Н. Пушкарева главная героиня Настя поет: «Свитку лучшую возьму, / В бусы, в ленты уберуся / И к Петруше моему!» [Шевченко 1900: 177]. В поэме «Батрачка» в переводе Л. Мея (на украинском языке «Наймычка») младенец-найденыш «В свитке новенькой лежит», а в подлиннике «Дытына сповыта <...> Свытыною вкрыта» [Шевченко 1896: 10]. Эта же поэма в переводе А. Н. Плещеева названа «Работница», и в том же эпизоде фигурирует ребенок: «Свиткой новенькой покрыт, / И легко, легко повит» [Шевченко 1900: 152].

С. А. Есенин интересовался творчеством Т. Г. Шевченко (1814–1861), написал «Село (Перевод из Шевченко)» (<1914>); в тот год широко отмечалось 100-летие со дня рождения великого малороссийского (украинского) поэта [Есенин 4, 1996: 62, 356–357]. Идею создать перевод фрагмента из поэмы «Княжна» (1858) мог подсказать поэт и переводчик И. А. Белоусов, автор книги «Из Кобзаря» (1887) и составитель «Кобзаря в переводах русских писателей» Т. Г. Шевченко (1900). Он познакомился с С. А. Есениным в первой половине сентября 1913 г. в Москве [Летопись 1, 2003: 171–172, 187].

Интересно, что умение Т. Г. Шевченко перенести поэтику украинского фольклора в литературные сочинения широко приветствовалось русскими писателями, видевшими его влияние на современников. Так, после чтения стихов Н. А. Клюевым и С. А. Есениным 21 октября 1915 г. в редакции «Ежемесячного журнала...» в Петрограде беллетрист Б. А. Лазаревский записал в дневнике:

«<...>важно, что я, вообще не любящий стихов, кроме Лермонтова и Шевченка поэтов почти не чтущий, вдруг услышал двух поэтов — да каких! // Великорусский Шевченко этот Николай Клюев, и наружность, как у Шевченка в молодости... <...> Как нельзя перевести Шевченка ни на один язык, даже на русский, сохранив все нюансы, так нельзя перевести и Клюева» [Летопись 1, 2003: 270].

С. А. Есенин 16 июля 1914 г. на скором поезде «Москва — Севастополь» выехал в Крым, куда он мог добраться через Новороссию и Украину, но полноценно отдохнуть и наладить литературные связи из-за объявления 19 июля войны Германией и установления военного положения поэту не удалось. Он вынужден был в августе даже нанять автомобиль из Ялты до Симферополя, чтобы вернуться обратно [Летопись 1, 2003: 189–191]. И все-таки во время этой поездки (как и позже, в 1916 г., в период службы санитаром в военно-санитарном поезде № 143 Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны) С. А. Есенин мог зримо наблюдать разные локальные варианты малороссийского (украинского) народного костюма со свиткой (свытыней), узнать название этого предмета, и при написании стихотворения «Белая свитка и алый кушак...» такие обозначения детали одежды совместились в творческом сознании поэта с русскими аналогами.

Кушак — длинный и широкий полосатый праздничный мужской пояс, сотканный из шерсти (для будничной одежды он мог быть однотонным и темным); играл важную ритуальную роль в народной свадьбе, в том числе на Рязанщине.

Кроме данного стихотворения С. А. Есенина, этот широкий пояс (очевидно, в повседневном применении) упомянут в повести «Яр» (<1915>): «Прикусив губу, Филипп развязал кушак и, скинув кожух, напялил полушубок»: «„Мерина своротил“, — щелкнул кушаком Филипп»; «„Дешево же ты, воробей, платишь“, — засмеялся Карев и, подпоясав кушак, надел пахнущие кирпичом желтые рукавицы» [Есенин 5, 1997: 12, 29, 127].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля «кушак» трактуется как «пояс или опояска; широкая тесма<так!>, либо полотнище ткани, иногда с бархатом по концам, для обвязки человека в перехвате, по верхней одеже» [Даль 2, 1881: 233].

Удивительно, что в «Словаре русских народных говоров» «кушак» зафиксирован только в качестве регионального синонима кумача (красной ткани) в Скопинском уезде Рязанской губернии, а также в Архангельской губернии [[Словарь русских народных говоров 1980: 194](#)].

В значении широкого пояса, отмеченного В. И. Далем, в современном многотомном словаре «кушак» не отмечен: очевидно, перестали относить к диалектизмам или посчитали устаревшим словом, историзмом; зато приведено сочетание «красный кушак» из словарного гнезда «кушачник» со ссылкой на «Словарь русских слов» А. Н. Островского [[Словарь русских народных говоров 1965: 169](#)] и с привязкой к Москве и Московской губернии, соседствующей с Рязанской: «Кушачник <...> 2. Молодцеватый, одетый в синюю чуйку с красным кушаком артельщик, фабричный рабочий» [[Словарь русских народных говоров 1980: 195](#)]. Там же дана иллюстрация: «Собрались человек 50 кушачников, стоят в ряд, молодец к молодцу» [[Словарь русских народных говоров 1980: 195](#)].

Пьесы А. Н. Островского изучали в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в курсе «Истории русской словесности» на 3-й год обучения, и они могли вызвать интерес С. А. Есенина к творчеству великого драматурга [[Программы 1903: 44](#)], однако слово «кушак» поэт услышал у себя на «малой родине». Тем не менее за есенинским героем с «красным кушаком» стоит литературная традиция XIX в., и, может быть, еще более глубинная.

6. Выводы

Символическая идея одежды была воспринята С. А. Есениным из поэтики частушек [[Бельская 1990: 12](#)].

Симптоматично, что наиболее яркая лексика стихотворения «Белая свитка и алый кушак...» — свитка, кушак — встречается только в раннем творчестве С. А. Есенина: она характерна для поэтизации сельского быта, а с отходом поэта от этой тематики исчезают и соответствующие слова-концепты. В подтексте произведения просматривается свадебная символика: нарядная белая свитка вполне уместна на свадьбе, сезон проведения таких важных обрядов жизненного цикла заканчивался на Рязанщине на Красную Горку; жених дарил невесте шубу, к венцу он и невеста со всем «свадебным поездом» ехали в верхней одежде.

Возможно, в творческом замысле стихотворения С. А. Есенин опирался на народный свадебный обычай, но в ходе работы над произведением сделал уклон в народные хороводные традиции и в целом на весенне-летние праздничные гуляния сельской молодежи.

Литература

- Бельская 1990 — *Бельская Л. Л.* Песенное слово. О поэтическом мастерстве Сергея Есенина. Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1990. 144 с.
- Брун 1892 — *Брун М.* Вещное право // Энциклопедический словарь /Изд. Брокгауз и Ефрон. СПб.: Семеновская тип. (И.А. Ефрона), 1892. Т. VI. С. 161–162.
- Вещь 1892 — Вещь // Энциклопедический словарь /Изд. Брокгауз и Ефрон. СПб.: Семеновская тип. (И.А. Ефрона), 1892. Т. VI. С. 162.
- Вещь 1922, № 1/2 — Вещь. Берлин, 1922. № 1/2. 32 с.
- Вещь 1922, № 3 — Вещь. Берлин, 1922. № 3. 24 с.
- Вышеславцев 1914 — *Вышеславцев Б. П.* Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. 437 с.
- Гамбаров 1911а — *Гамбаров Ю. С.* Вещное право // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». М.: Издание Т-ва А.Граната и К°, 1911. Т. 9. Стб. 2–12.
- Гамбаров 1911б — *Гамбаров Ю. С.* Вещь // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». М.: Издание Т-ва А.Граната и К°, 1911. Т. 9. Стб. 18–24.
- Даль 1862 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.: В Университет. тип., 1862. 1095 с.
- Даль 1881 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. Т. 2. 807 с.
- Даль 1882, т. 4 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. 704 с.
- Есенин 1996, т. 4 — *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1996. 544 с.
- Есенин 5, 1997 — *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений: В 7 тт. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1997. 560 с.
- Есенин 6, 1997 — *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений: В 7 тт. (9 кн.).

- М.: Наука; Голос, 1997. 816 с.
- Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / пер. с нем. К. Д. Цивинной. М.: Наука, 1991. 507 с.
- Летопись 1, 2003 — Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 тт. (7 кн.). Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 736 с.
- Летопись 3 (1), 2005 — Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 тт. (7 кн.). Т. 3. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 476 с.
- Летопись 3 (2), 2008 — Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 тт. (7 кн.). Т. 3. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 575 с.
- Максимов 1861 — *Максимов С. В.* Рассказы из старообрядства, по раскольничьим рукописям. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1861. 164 с.
- Мануйлов 1986 — *Мануйлов В. А.* О Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 тт. Т. 2. М.: Худож. лит., 1986. С. 165–190.
- Московский городской народный университет 1913 — Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. 1913–1914 академический год. М.: Городская типография, 1913. 36 с.
- Муромцев 1899 — *Муромцев С. А.* Из лекций по русскому гражданскому праву (1898–1899). СПб.: Воен. тип., 1899. 17 с.
- Осипова 2008 — *Осипова Е. П.* Лексика рязанского народного костюма в произведениях С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2008. № 9. С. 74–79.
- Постников 1925 — *Постников С. П.* <Рец.> // Воля России. Прага, 1925. Кн. III. С. 164.
- Программы 1903 — Программы для церковно-учительских школ. Изд-е Училищного совета при Святейшем Синоде. СПб.: Синодальная тип., 1903. 146 с.
- Самоделова 2006 — *Самоделова Е. А.* Антропологическая поэтика С. А. Есенина: авторский житетекст на перекрестье культурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2006. 918 с.
- Самоделова 2015 — *Самоделова Е. А.* Традиционная рязанская свадьба / Рязанский этнографический вестник. 2015. Вып. 56. Т. 1. 259 с.
- Словарь Академии Российской 1789 — Словарь Академии Российской: В 6 ч. Ч. 1. СПб.: При Императ. Академии наук, 1789. 1150 стб.
- Словарь русских народных говоров 1965 — Словарь русских народных говоров. Вып. 1. Л.: Наука, 1965. 304 с.
- Словарь русских народных говоров 1980 — Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Л.: Наука, 1980. 376 с.

- Словарь русских народных говоров 1987 — Словарь русских народных говоров. Вып. 23. Л.: Наука, 1987. 376 с.
- Словарь русского языка 1996 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23. М.: Наука, 1996. С. 167–168.
- Соловьев 1894 — *Соловьев В. С.* Вещь // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1894. Т. VI. С. 162–163.
- Тургенев 1876 — *Тургенев И. С.* Записки охотника; Рудин; Ася; Дворянское гнездо; Дым; Отцы и дети: [Сб. отрывков]: Портр., биогр. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1876. XVI. 434 с.
- Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. Т. 3. М.: Прогресс. 1987. 830 с.
- Философский словарь 1911 — Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии /под ред. Э. Л. Радлова. СПб.: Тип. Акц. О-ва Брокгауз — Ефрон, 1911. 284 с. (Серия: Брокгауз — Ефрон. Б-ка самообразования).
- Чижикова 2009 — *Чижикова Л. Н.* Глава 14. Народная одежда // Русские Рязанского края: В 2 тт. / отв. ред. С. А. Иникова. Т. 1. М.: Индрик, 2009. С. 428–489.
- Шевченко 1900 — *Шевченко Т. Г.* Кобзарь в переводе русских писателей. С биогр. очерком и портретом / под ред. И. А. Белоусова. М.: Изд-е книгопродавца М. В. Клюкина, Т-во типол-литогр. В. Чичерин в Москве, 1900. 365 с.
- Шершеневич 1924 — *Шершеневич В. Г.* Кому я жму руку. М.: Имажинисты, 1924. 48 с.